

*Nadezhda V. Sukhova,
ScD, Associate Professor;*

*Sergei A. Stepanov,
the 2nd year magister student
Tyumen State University*

Procedural Mechanisms of Dispute Resolution in the Conditions of Developing International Collaboration

Key words: *International procedural mechanisms, WTO, Eurasian Economic Union, research.*

Annotation: *The article focuses on studying international procedural mechanisms and their challenging issues at the global level as well as at the levels of Russian state and Eurasian Economic Union (EEU). For the purpose of comprehensive understanding of existing international procedural mechanisms some attention is paid to the quickly developing institute of alternative ways of dispute resolution.*

В наши дни ни у кого не возникает сомнений тот факт, что механизмы разрешения споров в сфере международного и экономического сотрудничества, в общем, имеют большое практическое значение, так как позволяет гарантировать: для международного правового и торгового оборота – безопасность; для социальной интеграции и, в широкой перспективе, творчества – определённую стабильность. С этих позиций, мы должны учитывать тенденции сближения правовых и процессуальных систем, в которых проявляется бесспорный процесс унификации и гармонизации права. Такое сближение можно наблюдать на нескольких уровнях и в разных регионах планеты, в том числе в разных странах Евроазиатского региона. Непосредственная интеграция в области международного правосудия призвана объяснять развитие таких явлений, которые не находят своего объяснения путём всех других подходов (например, регулярные правила преобразований правовых институтов евразийской интеграции и их компетенции; тенденции в отношении совершенствования правового регулирования общественных отношений в сфере действия и исполнения иностранных судебных решений). Участники гражданского оборота должны быть уверены в эффективности достигнутого результата.

В этом отношении, сегодня, важнейшие вопросы создания, формирования и развития процессуальных механизмов в рамках Евроазиатского Экономического Союза (далее – ЕАЭС), приобретают всё большую актуальность. И это неудивительно. Известно, что Договор о ЕАЭС, с которым связано начало деятельности Суда ЕАЭС, вступил в силу с 1 января 2015 года. Этот Суд Союза приходит на смену

действовавшему Суду Евразийского Экономического Сообщества (далее – ЕврАзЭС). И вопрос, который сегодня возникает перед нами, заключается в том, каким образом оценить эффективность и действенность Суда ЕврАзЭС. В настоящем исследовании мы исходим из предположения, что при оценке значимости внесённых Статутом нового Суда Союза изменений (приложение № 2 к Договору о Союзе), познавательную перспективу следует перенести: с нормативной основы и юридической литературы, – на объективный анализ юридической практики Суда ЕврАзЭС. Это является следствием того, что научная задача заключается во вскрытии самого существа изучаемого явления – Евразийского правосудия – во всей многомерности его юридического опыта. Здесь стоит подчеркнуть, что до сих пор основная цель такой научной работы российских исследователей сводилась к установлению лишь отличительных признаков различных механизмов урегулирования правовых споров, существующих в рамках разных международных организаций с участием России.

Авторы статьи полагают, что мы при этом должны приниматься во внимание преимущества и недостатки как практики Суда ЕврАзЭС, так и опыта других международных судов. В этом смысле любое деление (или классификация) правовых механизмов урегулирования международных экономических споров, рассматриваемое абстрактно, не позволяет нам сделать такой вывод; необходимо понимать, каковы цели Евразийского правосудия (функции, задачи, намерения).

В рамках международного правосудия существует тщательно разработанная система разрешения споров. Самым популярным на сегодняшний день признаётся, пожалуй, Орган по разрешению споров (*Dispute Settlement Body*) Всемирной торговой организации (далее – ВТО). Сопоставимым по авторитету органом международного правосудия является, разве что, Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ). ВТО при этом является одной из немногих международных организаций, в рамках которой создан разработанный, не имеющий аналогов свод права, – так называемое право ВТО. Причём, прецедентная практика здесь выступает в качестве неотъемлемой и самой важной части правовой системы ВТО. В свою очередь право ВТО существует неразрывно с международным публичным правом.

Тем не менее, каким бы эффективным механизм разрешения споров ВТО ни являлся, существует немало неразрешённых задач. Самой значимой, по мнению многих, выступает вопрос определения места норм ВТО в системе законодательства стран-участниц, и как следствие, взаимодействие частных лиц с ВТО. По общему правилу, нормы ВТО не имеют прямого действия на территории государства – члена организации. Следовательно, в государстве-участнике, состоящем в ВТО и не признающем прямое действие ее норм, частные лица не могут предъявить в национальные суды иски, основанные на нормах ВТО, ни к самому члену ВТО, ни к его субъектам. Отказ в допуске частных лиц к судебной системе ВТО – существенный проблемный вопрос, поскольку в результате возникающих экономических споров бремя негативных последствий несут именно они. В этом смысле логично предложить реформу такой системы, которая, к слову, давно обсуждается, однако до настоящего времени ни к каким конкретным решениям государства – участники ВТО так и не пришли.

Сегодня бурно развиваются альтернативные процедуры разрешения споров. И это не пустые слова. Конкретные действия по реформированию законодательства,

регулирующего «альтернативное» правосудие, предпринимаются и в России. Например, 8 мая 2015 года в Государственную Думу Правительством РФ был внесен законопроект № 788111-6 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (1).

Как указывается в пояснительной записке к проекту, цель законопроекта - создание современного и эффективного механизма правового регулирования института арбитража (третейского разбирательства) в Российской Федерации с учетом мировой практики в области регулирования деятельности третейских судов и текущего состояния данного института в России.

Это, безусловно, является положительным моментом, поскольку альтернативные способы разрешения споров предназначены способствовать эффективному урегулированию разногласий, а в перспективе – дальнейшей активизации внешнеэкономического сотрудничества. Проблемные же вопросы, ассоциируемые с альтернативными способами урегулирования экономических споров, связаны, как правило, с законодательным внедрением их в правовую систему отдельного государства, а не их сущностным, внутренним содержанием, наглядным примером чему может послужить ситуация, произошедшая в Италии в 2011 – 2012 гг (2).

Процессуальные механизмы урегулирования споров в условиях развивающегося международного сотрудничества проявляются и во взаимодействии иностранных и российских судов. Однако выясняется, что в таком сотрудничестве принимают участие лишь, как правило, высшие суды России (Конституционный суд РФ и Верховный суд РФ, ранее также Высший арбитражный суд РФ), что нельзя считать правильным. При таком положении дел нижестоящие суды (как общей, так и арбитражной юрисдикции) оказываются «отрезанными» от международного процессуального права. При таком состоянии дел представляется целесообразным ввести в российских судах специальные организационные образования, нацеленные на обеспечение взаимодействия с судами иных государств (по примеру отдела международно-правового сотрудничества Верховного суда). Важность международного сотрудничества трудно переоценить, поскольку от его полноты и всесторонности зависит, в частности, признание и приведение в исполнение решений иностранных судов.

Что касается признания и приведения в исполнений решений иностранных судов на территории РФ, следует отметить, что этот институт характеризуется проблематичностью применения. Неопределенности существуют как на теоретическом, так и на практическом уровне. Установление действительности соглашения о международной подсудности на этапе признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения, правильное применение положений международных договоров, а также отношение к обязанности признавать иностранные судебные решения (3) – вот основные аспекты, которым должно быть уделено должно внимание в процессе правоприменения. В этой связи, как представляется, обязательному применению должны подлежать международные принципы взаимности и вежливости. Такой подход лишит смысла вопрос отношения к обязанности признавать иностранные судебные решения, поскольку фактически будет признана необходимость их безукоризненного исполнения соответствующими органами государственной власти на территории России.

В заключение следует сказать о судебном органе, деятельности и проблемам которого в последнее время уделяется основное внимание, - Суду ЕврАзЭС (с 1 января 2015 г. – Суд ЕАЭС). Так, несмотря на относительно небольшое количество дел, рассмотренных Судом ЕврАзЭС (это количество составляет чуть больше 20 дел), эти решения вызывают самую разную реакцию среди, как государств-членов, так и исследователей в области международного правосудия (4). Связано это, прежде всего, с определенными сложностями, с которыми на практике столкнулся, с одной стороны, сам Суд ЕврАзЭС, а с другой стороны, – лица, непосредственно обращавшиеся в указанный Суд.

Исполнение решений Суда ЕврАзЭС. Нередки ситуации, когда решение Суда ЕврАзЭС оказывалось невыполненным на национальном уровне. Например, имели место быть случаи, когда арбитражные суды РФ выносили решение о привлечении российской компании к административной ответственности на основании документа, который был признан недействительным Судом ЕврАзЭС. Более того, Федеральная Таможенная Служба России (далее – ФТС) даже разослала всем своим региональным подразделениям специальное письмо № 01-11/08792 от 4 марта 2013 года, в котором прямо было указано, что, несмотря на решение Суда ЕврАзЭС, органы ФТС призваны исходить в своих действиях из действующего российского законодательства, нормы которого и являются для таможни обязательными для исполнения.

Представляется, что проблема исполнения решений Суда сообщества носит комплексный характер. В этой связи, ввиду образования Суда ЕАЭС, было бы логично закрепить, что государства - члены ЕАЭС, принимая все необходимые меры для своевременного и полного исполнения решений Суда Союза, устанавливают в этих целях упрощенный порядок взаимодействия Суда Союза с компетентными за исполнение судебных решений органами, обязанными принимать к исполнению решения Суда по обращениям заинтересованных лиц (взыскателей).

Самоидентификация в качестве главного судебного органа Сообщества. На этот момент, в частности, уже было обращено внимание известного специалиста в сфере международного гражданского процессуального права – А.С. Смбатян (5, р.105). В действительности, от того, каким именно является статус Суда ЕврАзЭС – как юридический, так и фактический – во многом зависит эффективность интеграции, равно как и международный авторитет Сообщества. Как представляется, Суду ЕврАзЭС следовало априори прилагать усилия для закрепления статуса наднационального судебного органа сообщества посредством разграничения компетенций органов ЕврАзЭС, критического анализа принимаемых ими нормативно-правовых актов, обеспечения целостности и одновременно развития соответствующего правопорядка. Суд ЕврАзЭС не может быть инструментом исключительно урегулирования споров, возникающих в связи с правоприменением нормативно-правовой базы ЕврАзЭС. Такое упрощенное восприятие функций органа международного правосудия уже давно не соответствует реалиям международной жизни и вряд ли отвечает потребностям членов данного интеграционного объединения.

Однако незначительная практика Суда Сообщества показала, что он воспринимается лишь в качестве одного из органов Сообщества, выполняющего техническую функцию по разрешению споров. При таком подходе верховенство права на территории Сообщества вряд ли может быть обеспечено. Юридический и

фактический статус Суда должен быть гораздо весомее. Принципиально важен статус Суда «над» остальными органами ЕврАзЭС. Но такая установка, по-видимому, встретила возражения в том духе, что уставные документы Суда и другие договоры, заключенные в рамках ЕврАзЭС, таким статусом Суд не наделяют.

Повышение и укрепление авторитета Суда Сообщества в рамках системы органов международного правосудия. Стратегический курс руководства РФ на формирование ЕАЭС как эффективного интеграционного объединения на постсоветском пространстве, адекватном геополитическим и экономическим реалиям дал Суду ЕврАзЭС все основания для того, чтобы занять одну из лидирующих позиций в системе органов международного правосудия (далее – ОМП). Однако малое количество рассмотренных дел, и, следовательно, отсутствие устойчивых, авторитетных правовых позиций свидетельствует о том, что такая высокая цель достигнута не была.

С этой точки зрения, справедлива позиция А.С. Смбалян (5, p.168-171). По мысли названного автора, начинающему свою деятельность Суду ЕАЭС, учитывая перспективы функционирования, следует предпринять следующие шаги:

- опираться на общее международное право.

Судьям Суда ЕАЭС целесообразно постоянно аргументировать и подчеркивать связь законодательства интеграционного объединения с международным правом, частью которого оно является. При этом логично рекомендовать в каждом принимаемом решении давать ссылки на положения общего международного права, а также, где это применимо, на многие сторонние международные договоры.

- заимствовать актуальный опыт других ОМП.

Суд ЕАЭС не должен осуществлять свою деятельность изолированно, без взаимодействия с такими авторитетными органами международного правосудия, как ВТО, Европейский Суд по правам человека, суд Евросоюза. Подкрепляя свою позицию прецедентами авторитетных судов и арбитражей, Суд ЕАЭС тем самым демонстрирует свою готовность «услышать» мнение других членов международного судейского сообщества и участвовать в диалоге с ними, что, безусловно, повысит авторитет и самого Суда ЕАЭС.

- выработать новаторские подходы и высокие стандарты в сфере отправления международного правосудия.

Суд ЕАЭС должен не только применять уже закрепленные в различных источниках права подходы и стандарты, но и стремиться к выработке собственных, чем активно занимаются такие авторитетные ОМП, как Суд Евросоюза, орган по разрешению споров ВТО и Европейский Суд по правам человека. Это достигается, в частности, посредством проявления судейской активности, когда судьи выходят за рамки привычных представлений о судействе и отпадении правосудия. Причем, основным источником новых подходов и стандартов является судебное правотворчество, которое постепенно становится неотъемлемой стороной деятельности современных ОМП.

- акцентировать внимание на необходимости защиты прав человека.

Пределы компетенции Суда ЕврАзЭС не позволяла ему рассматривать споры в области прав человека. В силу статьи 13 Статута Суда он рассматривает споры экономического характера, возникающие между Сторонами по вопросам реализации

решений органов ЕврАзЭС и положений договоров, действующих в рамках ЕврАзЭС. А.С. Смбалян, изучая вопросы перспективы Суда ЕврАзЭС, пришла к выводу, что такая ситуация подрывает саму идею правосудия на территории Сообщества. Вместо того, чтобы по примеру Суда Евросоюза, стать аналогом конституционного суда интеграционного объединения, деятельность Суда ЕврАзЭС ограничивалась довольно узкой экономической сферой. Получается, что компетенция ОМП, учрежденного в рамках регионального интеграционного объединения, сведена к функции «межгосударственного коммерческого арбитража», что не может считаться обоснованным.

Однако, даже если предположить, что компетенция уже нового Суда Союза будет должным образом расширена, нужно исходить из того, что система защиты прав человека в рамках правопорядка Союза должна быть сравнима по своей интегрированной эффективности с системой, выстроенной Европейским Судом по правам человека. Это подразумевает, что Суд ЕАЭС должен придерживаться весьма высоких стандартов защиты прав человека. В противном случае судьи Европейского суда будут подвергать ЕАЭС «сканированию» на предмет нарушения прав человека со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями.

References:

1. *The bill № 788111-6 «On Arbitration (arbitration) in the Russian Federation» [Internet] Available from: Official site of the State Duma - <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=788111-6> (the date of circulation of 05.20.2015).*
2. *Legislative Decree № 28 "On mediation in civil and commercial nature" of 4 March 2010 the Court of Arbitration, 2011, № 3 (75).*
3. *Malyushin AA, Malyushin KA. Difficulties in the recognition and enforcement of foreign judgments: Russian justice, 2014, № 1; 29-30*
4. *Ispolinov AS. Eurasian justice from the court to the Court of the Community Union: State and law, 2015, № 1; 80-81*
5. *Smbatyan AS. The prospects of the EurAsEC Court in the system of international justice: International law and international organizations, 2013, № 1*